

Сергей Афанасьев

Одно время года Георгия Скоморохова

Эпиграф: «Чтоб ни один из звонких и грозных молотов сердца не отказал
вдруг, коснувшись плачущих или робких струн. Чтобы лик мой
омытый
Вспыхнул нетленней; чтобы чистыми был он слезами залит.
О как тогда рад я вам буду, ночи горькие. Что же я раньше пред
вами, безутешные сестры, не преклонял колен; что ж я раньше-то
в вас не урылся. Ах, мы, растратчики горя,
Видим всё наперёд и смотрим в печальные дали,
Ждём – может, кончится. А ведь оно, ведь оно –
Наша листва неопавшая, вечная тёмная крона,
Нашего года время одно – а не просто время,- пространство
наше, пристанище, почва и корень»

Р.М.Рильке – «10-ая Дуинская элегия»

(Записано по голосу 79-ти летнего ветерана в записи в плёнки - родной дочерью – Валентиной Георгиевной Давбер):

Посылаю Павлу Загребельному (автору «Разгона») привет. Я расскажу о судьбе, выпавшей на мою долю.

5-го июля меня – Георгий Скоморохов – хотели направить в Москву в артиллерийское училище. Но затем 8-го июля я получил назначение в арtpолк 280-й стрелковой дивизии для учёбы на курсах усовершенствования командного запаса – в Днепропетровск. Командармом тогда был генерал-майор Данилов. Эта часть формировалась в лесах Тульской области. В начале августа 1941 года боевое питание полка погрузили на эшелон. Для лошадей фуража не хватало. Помню: я сделал прутики и привязал их к деревьям. Внезапно упал воронёнок из гнезда, и лошади хотели его затоптать. Я тогда задумал: выживу или нет на войне.

Этот воронёнок протрепыхался по земле между десятью лошадьми, которые норовили его убить своими копытами. «Неужели задуманное сбудется?»

К середине августа продвинулись к Почину. Наши части переходили пару раз в наступление, а потом отступали. Наш комбат погиб и дважды пополнялись стрелковые части. Капитан Мурзилкин – объявил мне о присвоении звания лейтенанта. Во время артобстрела – перебили большую часть лошадей. 5-го октября – приказ: свернуться ночью и оторваться незаметно от вражеской части; двигались, когда солнце нельзя было отличить от луны, на восток, попадали на мины,- поэтому я до сих пор немножечко нервный,-теряли лошадей и людей; с 14-го на 15-е октября – бой под Борщовым. Удалось с

оставшейся артиллерией перейти через болото: пока ты на этой стороне – ты знаешь, что тебя ждёт... Командир полка – Муленкин – и генерал Данилов – тоже переправились... В лесу должны были соединиться с артчастью, но... это было уже невозможно: к 12-ти часам к 60-ти присоединилось ещё сорок человек, подобрали раненых, и пешим ходом двинулись по лесу. После пути длиной в четыре километра мы попали под обстрел автоматчиков. Пришлось углубиться в лес. Была поставлена задача: прорвать кольцо окружения.

Комдив Данилов был ранен в грудь, тогда Муленкин приказал: по три-пять человек – собратся в группы; задача – найти полянку и задержать ценой жизни фрицев.

Некоторые захотели уйти в партизаны, но немцы стали прочёсывать лес и я был с другими окружён. Возле той поляны стояли уже пленные, которых затем отправили в Карачаев и в Брянск. Находясь в лагере, слышал, что один из лагерей загорелся, когда стали сжигать пленных. Первый мой побег с 28-го на 29 октября - был удачным. Добрался до хаты Колосовой, но она просила покинуть её хату: мол, вчера я отдала всё, что было – другим беглецам... Перед уходом из хаты я зашёл в её клуню и проколол сено, слез с копны, но потом всё равно решил схватиться в сене: скрываться там пришлось четверо суток, так как Колосова часто туда наведовалась: на третью ночь сокрытия в сарае той Колосовой - я не вытерпел и собрал дождевой воды, выпил и очень заболел животом.... В результате снова оказался в плену.

Затем в ночь с 15-го на 16-е ноября – после очередного побега - выбрались из леса, но встретив ракетный обстрел,- отступили.

4-го апреля 1945 года я вышел из концлагеря, заблаговременно срезав ножом знаки SU- замазав место их крепления – грязью и вернулся на Родину.

P.S. (дорассказано В.Давбер – дочерью Георгия Скоморохова):

Убегая с родного края г.Никополя – мне было два годика – мы эвакуировались на другой берег Волги – напротив Сталинграда (Волгограда) и помню как при переправе через Волгу у матери Анны руки были заняты баулами и при посадке меня подхватили руки юного матроса и перенесли по мостику на то судно, а ещё помню когда садились на поезд – одна бабушка пошла по нужде и почти уже отстала от отъезжающего поезда и в последний момент её тело успели подхватить чьи-то солдатские руки. Светлая им память.

P.F. (добавлено лично С.Афанасьевым):

Кратко пару эпизодов из сюжетной канвы романа Павла Загребельного (друга Георгия Скоморохова):

«В 27 лет Верди теряет любимую жену и детей, отчаяние овладевает им, не хочется жить, а ему присылают либретто оперы «Навуходоносор... Он не

хочет читать ни строки, бросает рукопись на стол и та разворачивается на том месте где есть он видит фразу: «Взлети, моя мысль, на крыльях золотистых!» Так поют заключённые в плену вавилонском. Верди уже не в силах был оторваться от либретто...

Но как бы умышленно замедленно не ковырялись в глине пленные (немецкого концлагеря),- всё-таки должен был прийти день, когда ударили кирками и услышали крик отчаяния,, радости и муки... Но эсэсовцы, как бы ни были они быстры и ретивы, не успели, их опередили те, кто рвался на волю из недр горы, вылетали оттуда непомня себя, вытолкнутые менее ловкими и не такими удачливыми. Профессор (прототип – Георгий Скоморохов – С.А.), Капитан и Малыш очутились среди обезумивших от освобождения и выбраться уже не могли, их толкали, их обвиняли, их благодарили, потом вдруг возникла красивая черноокая дивчина, гибкая,- уставилась на них троих, вмиг выделила из них Капитана, бросилась ему на шею и стала целовать. От неожиданности тот не удержался на ногах, упал вместе с женщиной в грязь, но черноокая и тут не отпустила его, одной рукой обнимала Капитана, целовала его в щёки, в глаза, в губы, а другой – неистово, в дикой поспешности рвала на себе одежду, выкрикивала между торопливыми поцелуями: «Возьми меня! Возьми меня всю! Я хочу тебя! Только тебя!»

Ещё несколько женщин кинулись на пленных, одна ухватила за поляка, две других – за итальянцев, а одна соблазнилась даже Профессором. Малыш пытался напомнить немкам уж если не о пристойности, то хотя бы об угрозе смерти... но его немецкий ограничивался такими словечками как «нох», «ферштейн» и «никс», типичное крематорное эсперанто... Тогда один эсэсовец ударил черноокою автоматом и прыгнул прямо на Капитана...

Немка (защищавшая Капитана) - кричала эсэсовцам: «Вы всегда чистенькие! Мы ненавидим вас, а этих грязных – любим,- замученных, как святые».

«Академик Карналь должен был думать об учёных, но он думал о Верди. Музыка Верди напоминала Карналю человеческую судьбу. Поражало одиночество, которое постигло его дважды в жизни – когда молодым он утратил жену и двух детей, и на склоне жизни, когда умерла его вторая жена,- Беппина Степпони, великая певица. 80-тиней Верди садился к фортепьяно и тихонько напевал монолог Филиппа из «Дон Карлоса»: «Спать буду один в моём королевском плаще»

...Анастасия попыталась просмотреть двухтомную «Энциклопедию кибернетики», но отложила не читая, т.к. нормальному человеку читать там нечего,- дикие формулы и такой же текст: «Марков доказал, что не может быть алгоритма, который по двум законченным триангуляциям четырёхмерных многочленов означал бы топоморфизм этих многочленов».